

УДК 94(470.6)
ББК 63.3 (235.7)

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ И СТРАТЕГИЯ ВЫЖИВАНИЯ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В 40–50-е гг. XX в.*

А. И. Тетуев

Позитивные изменения, происходившие на постсоветском пространстве в последней четверти XX в., содействовали развитию в науке таких направлений, как историческая антропология и социальная история. В научный оборот были введены темы, ранее не исследованные или рассмотренные фрагментарно. К их числу, безусловно, относятся и проблема, связанная с депортированными народами в СССР. Но следует признать, что, при всей относительной актуализации этой темы в работах последних 20 лет, вне внимания ученых оказалась повседневная жизнь депортированных народов, оказавшихся в этот экстремальный, чрезвычайный период перед угрозой полной гибели.

В данной статье на материале архивных документов предпринята попытка исследовать, как в течение столь длительного времени (13–14 лет) карачаевский и балкарский народы сумели выжить, сохранить свою национальную идентичность, и выяснить, что помогло им адаптироваться на новом месте и не ассимилироваться.

Как известно, политика репрессий отдельных народов и этнических групп в Советском Союзе началась еще в предвоенный период и находилась в зависимости от отношений с тем или иным государством. Так, еще до войны были выселены из районов их проживания советские корейцы и поляки. С началом Великой Отечественной войны депортации подверглись советские немцы и финны. В виде превентивной меры была ликвидирована автономная республика немцев Поволжья. Из-за опасения, что захватчики могут получить помощь и поддержку с их стороны, все карачаевское и балкарское население (свыше 300 тыс. человек) было выслано в различные области Сибири и Казахстана. Всего за 1941–1942 гг. из Поволжья, Украины и Крыма было депортировано 1,2 млн немцев [Бугай 1995: 44, 45]. Из них

формировались трудовые армии и рабочие колонны, занятые на строительстве заводов и железных дорог. В 1943–1944 гг. были депортированы карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары [Бугай 1995: 56, 90, 142].

Все эти народы были лишены права на автономные государственные образования. Несмотря на нарушение Конституции СССР, Указами Президиума Верховного Совета СССР было упразднено 5 автономных образований (Карачаевская автономная область, Калмыцкая АССР, Чечено-Ингушская АССР, Крымская АССР, Кабардино-Балкарская АССР была переименована в Кабардинскую АССР). В Указах содержалась единая формулировка обоснования предпринимаемых репрессивных мер — измена Родине, вступление в организованные немцами вооруженные отряды, оказание фашистским оккупантам помощи в качестве проводников на кавказских перевалах, участие в бандформированиях на освобожденных территориях. Без попыток выяснения индивидуальной ответственности депортации подлежало все население названных народов. Независимо от возраста или личной ответственности все они, в том числе и коммунисты, и руководители местных Советов, были насильственно высланы в малонаселенные районы Сибири и Средней Азии, где их расселили разрозненными группами.

Акцию депортации народов нельзя было оправдать даже ссылками на требования войны, она была проведена без какого бы то ни было официального оповещения: достоянием гласности депортация стала лишь 12 лет спустя, когда о ней рассказал Н. С. Хрущев в своем знаменитом «секретном докладе» на XX съезде партии.

По данным НКВД, к осени 1944 г. общее число выселенных за время войны составило 1 514 000 человек [Полян 2001: 46, 47].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 12-11-07007 а/Ю «Проблемы зарубежной диаспоры карачаевцев и балкарцев: возникновение, эволюция и современность».

Многие представители репрессированных народов — карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы — воевали в рядах Красной Армии. Однако репрессии затронули и их. По всем фронтам были изданы специальные приказы о направлении их на поселение или об аресте по обвинению в измене родине. У них изымались военные билеты, им запрещалось ношение погон.

Балкарцы и карачаевцы были разбросаны на огромных просторах Средней Азии и Казахстана. В марте 1944 г. в Казахстане было расселено 25 тыс. балкарцев и 45,3 тыс. карачаевцев, в Киргизии — 15 тыс. балкарцев и 22,9 тыс. карачаевцев. Отдельные группы семей были направлены в Узбекскую ССР, Таджикскую ССР, Иркутскую область и в районы Дальнего Севера. Всего на спецпоселении в сентябре 1944 г. находилось 39,4 тыс. балкарцев и 78,8 тыс. карачаевцев [Сабанчиев 2008: 132, 291, 292, 297; Карачаевцы 1993: 20].

Массовые репрессии, проводимые в Советском Союзе в 40-е гг. XX в., нарушили обычный уклад жизни миллионов людей. Целые народы (балкарцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши, калмыки др.) в одночасье лишились своих конституционных прав. Они стали оторванными от своих родовых корней, своей малой родины, потеряли свое жилье, веками нажитое имущество, оказались в совершенно иных климатических условиях. В частности, балкарцы и карачаевцы, населявшие горную часть Северного Кавказа, с ее умеренно континентальным климатом, где в изобилии имелись источники питьевой воды, оказались большей частью под палящим солнцем в безводных пустынях Казахстана, Киргизии, Узбекистана. Один из крупнейших специалистов по национальным проблемам Г. Д. Гачев, отмечая неразрывность связи народа с природой, которая его окружает, писал с присущей ему прямоотой и простотой: «И как жена — не рукавица, не скинешь, так и природа — народу: нельзя ее произвольно сменить без потери народом своей субстанциальной сути» [Гачев 2008: 30]. Насильственно выселенные из родных мест карачаевцы и балкарцы вынуждены были организовывать свою жизнь не только в условиях «другой природы», но и в других социальных и бытовых обстоятельствах.

Лишенные государственности, карачаевцы и балкарцы были переведены в статус «спецпереселенцев», что повлияло на по-

следующую историю депортированных народов. В Казахстане и Киргизии насчитывалось около 645 тыс. спецпереселенцев. Они были размещены в 4 036 колхозах, 254 совхозах, 167 городах и рабочих поселках, где работали на 2 500 промышленных предприятиях. Карачаевский и балкарский этносы оказались рассеянными почти по 400 населенным пунктам. Спецпереселенцев расселили в пустовавших жилых и подсобных помещениях колхозов, совхозов, МТС. В январе 1945 г. спецпереселенцы в Казахской ССР проживали:

- на уплотнении местного населения — 30 237 семей;
- в общежитиях и бараках — 15 520 семей;
- в закрепленных домах и отдельных квартирах — 40 577 семей;
- во вновь построенных домах — 12 081 семей;
- в приобретенных собственных домах — 5 218 семей;
- в помещениях, недостаточно приспособленных для жилья, — 4 444 семей [ЦГА КБР. Ф. Р-774. Оп. 4. Д. 8. Л. 8].

Таким образом, в 1945 г. в Казахской ССР более половины семей спецпереселенцев проживало на уплотнении и в непригодных помещениях. Исполком Восточно-Казахстанского областного Совета депутатов трудящихся 25 декабря 1945 г. в своем решении отмечал, что «жилищно-бытовые и материальные условия спецпереселенцев в ряде районов требуют немедленного улучшения. До сих пор имеет место скученность и антисанитарное состояние в домах, где живут спецпереселенцы» [Шабаев 1994: 111].

На 1 июля 1946 г. в Казахской ССР 13 341 семья спецпереселенцев не имела постоянного жилья. Даже через три года, в октябре 1949 г., из 4 772 семей балкарцев, находившихся в Казахстане, 6 944 человек — проживали в ведомственных и коммунальных домах, 159 — на уплотнении, а 72 — в непригодных для жилья помещениях. Приусадебными участками были обеспечены 4 296 семей, имели крупный рогатый скот 1 900 семей и мелкий скот — 3 680 семей [ЦГА КБР. Ф. Р-774. Оп. 1. Д. 4. Л. 56].

В январе 1945 г. в Киргизской ССР на уплотнении в домах колхозников проживало 6 957 семей спецпереселенцев в со-

ставе 66 681 человека, из них на площади, непригодной для жилья, — 3 500 семей (29 457 человек).

Инструктор ЦК КП(б) Киргизии в справке о хозяйственном и трудовом устройстве спецпереселенцев в Куршабском районе Ошской области отмечал, что 907 семей в количестве 3 483 человек, из которых более половины составляли дети, «были расселены в 17 колхозах и двух предприятиях крайне неудовлетворительно: живут в антисанитарных условиях, очень скученно, в комнатах 6–12 квадратных метров живут по 2–3 семьи с количеством от 5 до 10 человек» [ЦГА КБР. Ф. Р-774. Оп. 1. Д. 8. Л. 65–70]. В колхозах Фрунзенского района Ошской области летом 1945 г. в одной комнате проживало по 5–7 семей [ЦГА КБР. Ф. Р-774. Оп. 1. Д. 8. Л. 65–70].

В Быстровском районе в конце 1946 г. многие семьи спецпереселенцев проживали в различных колхозных пристройках, непригодных для жилья. Например, в колхозе «Бордук» 8 семей проживали «в скотных помещениях, совершенно не пригодных для жилья даже в летнее время» [Шабаев 1994: 111].

В сентябре 1946 г. в Иссык-Кульской области из 693 балкарских семей (2 619 человек) только 178 семей имели постоянное жилье, 81 семья — это 323 человека, как указывается в информации секретаря Иссык-Кульского областного комитета ЦК КП(б) Джаркимбаева от 1 августа 1946 г., «проживает на жилплощади, непригодной для жилья. Плохие жилищные условия спецпереселенцев имеют: в Тюпском районе — 40 семей (160 человек), в Иссык-Кульском районе — 67 человек» [ЦГА КБР. Ф. Р-774. Оп. 1. Д. 8. Л. 40, 41]. Через три года после прибытия в Киргизию, в 1947 г., в трех районах Фрунзенской области: в Кызыл-Аскерском, Кеминском и Панфиловском — более двух тысяч семей спецпереселенцев проживало на уплотнении и свыше 107 — в непригодных для жилья помещениях [ЦГА КБР. Ф. 774. Оп. 1. Д. 1. Л. 40–42]. В связи с затруднительными условиями получения ссуды в сельхозбанке спецпереселенцы практически не имели материальной возможности строить частное жилье.

Бесправное юридическое и тяжелое социально-экономическое положение спецпереселенцев закреплялось нормативными актами высших органов государственной власти, противоречащими Конституции СССР (1936 г.). Правовое положение спецпере-

селенцев, условия их проживания и трудоустройства были определены Постановлением СНК СССР «О правовом положении спецпереселенцев» от 8 января 1945 г. [Депортация народов СССР 1992: 76–77]. Переселенцы были лишены всех основных гражданских прав, гарантированных Конституцией страны. Главной обязанностью спецпереселенцев провозглашалось занятие общественно-полезным трудом на тяжелых и трудоемких работах. Спецпереселенцы должны были неукоснительно соблюдать установленный режим проживания и общественный порядок, беспрекословно подчиняться всем распоряжениям спецкомендантур. За любые нарушения, неподчинение коменданту спецпереселенцы подвергались штрафу или аресту. Бесправное положение спецпереселенцев позволяло комендантам организовать систему вымогательства взяток за пропуск на проезд в другой населенный пункт, за освобождение больного от работы.

Коменданты наделялись широким спектром правовых полномочий, дававших простор их произволу. Так, комендант села Каракунуз Джамбульской области Казахской ССР арестовал во время свадьбы Шабаеву Канитат Харуновну за то, что она без его разрешения вышла замуж за Эльбаева Ануара Мисостовича. Другой пример: 2 мая 1948 г. в Карагачской роще, находившейся в пригороде города Фрунзе, была устроена маевка, в которой принимали участие представители разных национальностей — русские, киргизы, карачаевцы, балкарцы, кабардинцы, дагестанцы. Когда один из гармонистов заиграл лезгинку, в пляс пустились все участники маевки. В результате они оказались в окружении спецвзвода МВД во главе с капитаном. После того, как выяснилось, что документы у всех в порядке, капитан запретил играть лезгинку [ЦГА КБР. Ф. 774. Оп. 1. Д. 8. Л. 2].

Многочисленные свидетельства информантов позволяют утверждать, что чувство бесправности в таких условиях переносилось спецпереселенцами не менее тяжело, чем физические страдания. Тяжелое положение спецпереселенцев — карачаевцев и балкарцев — в первые годы пребывания в Казахстане и Киргизии усугублялось тем, что многие местные жители, знакомые с директивами Л. П. Берии и его пособников, были искренне убеждены, что представители этих национальностей являются

изменниками родины и относиться к ним нужно соответственно. По этой причине отдельные руководители колхозов, совхозов и предприятий не предоставляли транспорта для перевозки прибывших спецпереселенцев, отказывали в их обеспечении питанием, медицинским обслуживанием.

Дезинформация о спецпереселенцах приводила и к более печальным последствиям. Так, 27 апреля 1944 г. секретарь партийной организации колхоза им. Буденного Алабукинского района Джалалабадской области Киргизской ССР Д. Жалмурзаев и завхоз колхоза Абылбеков избили мальчика-спецпереселенца 11 лет, Байсултанова, обвиняя его в краже колосьев. Мальчик от нанесенных побоев через три дня умер [ЦГА КБР. Ф. 774. Оп. 3. Д. 8. Л. 3–7].

В специальном сообщении «О фактах издевательства над спецпереселенцами в Таласской области» на имя секретаря ЦК КП (б) Киргизии сообщалось, что председатель колхоза «Кен – Арыс» Османалиев систематически занимался избиением спецпереселенцев; 1 августа 1945 г. без всяких причин он избил спецпереселенку Байрамукову Зурият и ее дочь. В июне 1946 г. колхозники сельскохозяйственной артели «Коминтерн» Калининского района Киргизской ССР учинили самосуд над спецпереселенцами, в результате были убиты Р. Узгенов и Кивенев, а Ш. Узденев был тяжело ранен [ЦГА КБР. Ф. Р–774. Оп. 1. Д. 2. Л. 56–58].

С лета 1945 г. фронтовики, оставшиеся в рядах армии и теперь демобилизованные, с боевыми орденами и медалями на груди стали возвращаться к мирному труду. Им было предписано выехать в места ссылки их родных, хотя не все и не сразу находили свои семьи. Прибыв в Киргизию и Казахстан, вчерашние воины-победители ставились на учет как спецпереселенцы со всеми ограничениями в правах и обвинением в предательстве Родины. Об этом свидетельствуют заявления и обращения участников Великой Отечественной войны Боташева Хусея Гыктаевича, Таппасханова Амаша Ануаровича в адрес руководителей государственных органов власти СССР с просьбой снять статус спецпереселенца. Им всем было отказано [ЦГА КБР. Ф. Р–774. Оп. 1. Д. 4. Л. 2–3]. Тем не менее, с их прибытием в места проживания их родных общее положение спецпереселенцев несколько улучшилось. Миф о них как о «предателях Родины» стал развеивать-

ся. Многие фронтовики сразу трудоустроивались. Их грамотность, компетентность также способствовали улучшению отношения к балкарцам в целом.

Рассказывать о выселении депортированных народов публично, в устной или в письменной форме, долгое время было небезопасно. Повседневная жизнь спецпереселенцев состояла из множества запретов и ограничений. Люди не понимали, за какие провинности они лишены родины и собственного крова, отчего оказались в столь ужасных условиях. Неудивительно, что у многих зарождалось недовольство существовавшим положением, хотя в условиях сталинского режима мало кто решался на самоубийственный протест. Но несомненно, что именно в этот период лишений, невзгод, осознания несправедливости ссылки закладывались ростки протеста. Многие авторы песен о выселении балкарцев, как и все авторы писем И. В. Сталину, получили свои «сроки». Так, в 1949 г. к Сталину с письмом обращался офицер-фронтовик А. Х. Соттаев. Он не только просил снять с него позорное клеймо «спецпереселенец», но и требовал вернуть балкарский народ на родину и наказать всех, кто принимал участие в репрессиях против безвинных людей, кто сослал его народ в ссылку. 2 декабря 1949 г. А. Х. Соттаев был арестован и осужден сроком на 25 лет за клевету на ВКП (б) и мероприятия, проводимые Советским правительством. После смерти И. В. Сталина он был освобожден, а впоследствии реабилитирован. За аналогичные письма на имя Сталина были арестованы И. С. Башиев (умер в тюрьме) и С. М. Караев (через полгода был освобожден). Письма спецпереселенцев — это письма мужественных людей, не смирившихся с участью заклеенных и поднявших голос протеста против беззаконий тоталитарной системы государства, лишивших их родины и гражданских прав [ЦГА КБР. Ф. Р–774. Оп. 1. Д. 8. Л. 2].

Особенно трагическую роль в жизни депортированных народов сыграл Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» [Сабанчиев 2008: 319]. Это был первый нормативно-правовой акт высшего представительного органа страны, который в государственном

порядке регулировал положение депортированных народов. Указ устанавливал, что балкарцы и представители других репрессированных народов переселены навечно, без права возврата на этническую родину. Выезд их с мест поселения без особого разрешения органов МВД СССР карался каторжными работами на срок до 20 лет. Спецпереселенцы могли свободно передвигаться лишь в радиусе 3 км от места проживания. Была предусмотрена регулярная явка в спецкомендатуры МВД на регистрацию всех взрослых выселенцев. Для репрессированных народов статус спецпереселенца был наследственным: их дети считались спецпереселенцами с момента рождения.

В повседневной жизни спецпереселенцы подвергались явной или завуалированной дискриминации. Их не призывали в армию, им отказывалось в приеме в партию и комсомол, они не могли баллотироваться в депутаты, не допускались на руководящие должности и на преподавательскую работу — при крайней нехватке педагогических кадров. Строго действовала система запретов для специалистов в области образования, литературы, искусства. Так, в августе 1948 г. У. Б. Алиев, заведующий кафедрой общего языкознания и современного русского языка Киргизского государственного педагогического института, был освобожден от занимаемой должности без всяких мотивировок. На законные вопросы У. Б. Алиева ему ответил министр просвещения Киргизской ССР Юнусалиев: «Вас уволили на основании постановления ЦК ВКП (б) как карачаевца-спецпереселенца, не имеющего право занимать руководящие должности и вести преподавательскую работу на кафедре русского языка» [ЦГА КБР. Ф. Р-774. Оп. 3. Д. 4. Л. 2]. Также запрещалось спецпереселенцам участие в культурно-просветительной и общественной работе. Они не имели права публиковаться и печататься. Языки и культурные традиции депортированных народов исчезли из числа официально признанных и поддерживаемых государством. Был установлен полный запрет на упоминание балкарцев и других репрессированных народов в научных изданиях, в литературе и искусстве.

К. Кулиев, поэт-фронтовик, уже известный к тому времени всесоюзному читателю, чье творчество высоко ценили такие корифеи советской литературы, как Н. Тихонов,

Б. Пастернак, А. Твардовский, занимался переводами и как спецпереселенец не мог публиковать свои стихи. Лишь изредка он публиковал свои произведения под псевдонимом К. Чегемли [Писатели Кабардино-Балкарии. 2003: 247–248].

Жесткая система ограничений в правах не допускала исключений даже для спецпереселенцев, работавших в правоохранительных органах. Султан Кайтмураевич Бабаев, участник Великой Отечественной войны, лейтенант запаса, после демобилизации работал в Управлении МВД по Алма-Атинской области и, в соответствии с приказом МВД СССР, как представитель репрессированного народа, в мае 1949 г. был уволен из органов, несмотря на положительную характеристику. Затем С. К. Бабаев поступил на заочное отделение Алма-Атинского госпединститута им Абая. 22 апреля 1952 г. он обратился с заявлением на имя заместителя председателя Совета Министров СССР В. М. Молотова: «До 1949 г. я и моя семья на учете спецпоселенца не состояли, были взяты на учет после моей демобилизации из органов МВД. Прошу снять меня и мою семью с учета спецпоселенца». Заявление рассмотрено Министерством госбезопасности Казахской ССР, и 31 мая 1952 г. в ходатайстве в освобождении с учета спецпоселенца было отказано [ЦГА КБР. Ф. Р-774. Оп. 1. Д. 4. Л. 39–44].

Ограничения прав спецпереселенцев касались и получения общего среднего и профессионального образования. Так, в Казахстане находилось в начале 1946 г. детей спецпереселенцев школьного возраста 95 633, из них учились 31 946 [ЦГА КБР. Ф. 774. Оп. 1. Д. 3. Л. 226]. В Киргизии соответственно — 21 015 и 6 643 [Шабаев 1994: 171]. По данным комиссии ЦК КП (б) Киргизии, проверявшей хозяйственно-трудовое устройство спецпереселенцев, 90–95 % не охваченных учебой не посещали школы из-за отсутствия одежды и обуви [Шабаев 1994: 171]. Вместе с тем возникали и другие трудности в обучении детей. Семилетние и средние школы функционировали в основном в крупных населенных пунктах. Так как свобода передвижения ограничивалась, дети, окончившие начальные классы или семилетние школы, вынуждены были прекращать учебу. Поступление в средние и высшие профессиональные учебные заведения было также затруднительно. Все профессиональные учебные заведения находи-

лись в крупных городах, где спецпереселенцев проживало мало. Переезд детей спецпереселенцев на учебу в города органами МВД был запрещен. Более того, руководители средних и высших профессиональных учебных заведений, опасаясь нареканий со стороны органов МВД, создавали поступающим абитуриентам различные препятствия [ЦГА КБР. Ф. Р-774. Оп. 1, Д. 8. Л. 59].

В этих сложных условиях повседневного существования спецпереселенцы использовали как легальные, так и нелегальные формы адаптации. Некоторые спецпереселенцы вынуждены были нелегально ежедневно ездить в средние общеобразовательные школы, расположенные в районных центрах и городах. Характерна в этом плане судьба спецпереселенца К. Б. Акаева. Окончив в 1952 г. семилетнюю школу в селе Ровное Джамбульской области Казахской ССР, он попытался продолжить обучение в средней школе города Джамбул. Однако комендант запретил выезжать из села. Только при помощи учительницы русского языка Г. И. Петровой К. Б. Акаев смог в «1956 году окончить среднюю школу и по возвращению на родину поступить в Кабардино-Балкарский госуниверситет и получить высшее образование» [Полевой материал. Пос. Янкой КБР: 2012].

Спецпереселенец М. Л. Батырбеков, окончив среднюю школу в поселке Красногорск Казахской ССР, в 1951 г., не смог получить у коменданта разрешения выехать в г. Алма-Ату для сдачи вступительных экзаменов в вуз. Только через год после неоднократных обращений в органы МВД и различные властные структуры он получает долгожданное разрешение. Но его мытарства на этом не закончились. Видимо, по идеологическим соображениям, его документы на историко-филологический факультет Казахского государственного университета не приняли. Тогда он сдал свои документы в Казахский государственный медицинский институт, куда после успешной сдачи экзаменов и был зачислен, правда, с определенными ограничениями: его не допускали на занятия по дисциплинам военной кафедры [Полевой материал. г. Нальчик КБР: 2012].

Спецпереселенцы с трудом адаптировались к новым условиям, им приходилось осваивать новые виды хозяйственной деятель-

ности и приспосабливаться к чужой культуре. Менялись деятельность и функции спецпереселенцев. Они потеряли дома, обстановку, хозяйство, работу и стали неимущим слоем населения. Ослабленные люди не выдерживали каторжного труда, бытовой неустроенности, голода. Так, в докладной записке о продовольственных затруднениях среди выселенцев в Казахской ССР указывалось, что в отделе спецпереселенцев МВД Казахской ССР, по неполным данным, в Акмолинской, Актюбинской, Кокчетавской, Кустанайской, Северо-Казахстанской и Семипалатинской областях на 1 апреля 1948 г. было учтено остро нуждающихся в продовольствии 118 259 спецпереселенцев, из них 2 590 человек больных дистрофией, было зарегистрировано 18 случаев смерти вследствие истощения от недоедания. Имеются факты употребления выселенцами в пищу трупов павших животных [ЦГА КБР. Ф. Р-774. Оп. 1. Д. 3. Л. 202, 203].

В таких экстремальных условиях народ мужественно нес груз страданий, определенных не действительной виной, а преступным произволом власти. И тем не менее характерные черты менталитета карачаевцев и балкарцев все-таки сохранились: необычайное трудолюбие, терпение, приверженность высоким моральным ценностям, соборность, взаимопомощь. Об этом свидетельствуют воспоминания самих спецпереселенцев. Рассказывает К. Б. Тетугева: в Кирвинсовхозе Южно-Казахстанской области ее муж – Инзрел работал в совхозе. «Время было голодное. У нас дома была ручная мельница, и муж, приходя с работы, в первую очередь задавал мне вопрос: «Кого давно не было?» Услышав имя, шел к нему с мукой. Ведь не приходили те, у кого не было даже горсти зерна. Нет, мы и сами жили не привольно, просто муж отрывал от себя, помогая другим» [Горянка 2007].

Вымирили целыми семьями, родами, обрывались генеалогические корни, подрывался генофонд нации. Перемена территории проживания, изменение природно-климатических условий, уклада жизни, неудовлетворительные бытовые условия, истощение от недостатка питания, эпидемических заболеваний резко повысили смертность в среде сосланных. Об этом свидетельствуют демографические показатели (см. данные таблицы).

Справка о состоянии рождаемости и смертности балкарцев-спецпереселенцев, расселенных на территории Казахстана (1944–1955 гг.)

Годы	Всего балкарцев	Родилось детей	Умерло
1944	18 581	66	629
1945	19 790	66	1 592
1946	20 288	сведений нет	сведений нет
1947	18 327	122	324
1948	18 142	282	178
1949	17 512	326	273
1950	17 905	327	261
1951	16 606	487	212
1952	16 900	сведений нет	108
1953	16 674	сведений нет	102
1954	17 151	сведений нет	77
1955	10 928	сведений нет	102
1956	10 200	сведений нет	сведений нет

Анализ приведенных выше данных показывает, что за 11 лет в Казахстане умерло 3 858 балкарцев, в 1945 и 1946 гг. наблюдается некоторый рост численности населения, который связан с возвращением к своим семьям демобилизованных воинов из частей Красной армии. Все эти факторы привели к негативным демографическим последствиям. По официальным данным, за 13 лет ссылки погибло 26,5 % депортированных балкарцев и карачаевцев [ЦГА КБР. Ф. Р-774. Оп. 1. Д. 4. Л. 39–44].

Самым действенным средством выживания в этих нечеловеческих условиях был труд. Великий поэт Балкарии К. Мечиев (1859–1945), в 85-летнем возрасте испытавший все ужасы депортации, создает стихи, которые стали завещанием балкарскому народу:

*Честный труд — спаситель наш сегодня,
Он оденет и прокормит нас,
Силы даст держаться благородней
И достойней встретить горький час.*

*Свой народ прошу — с бедою споря,
Жить работой, почитая труд,
Совести не забывать и в горе,
И наветы, верю, отпадут...*

[Мечиев 2003: 165–166].

С первых же дней в местах насильственного поселения спецпереселенцы, в основном женщины, старики, подростки, вышли на работу. Они трудились в сельском хозяйстве, на стройках и предприятиях угольной,

лесной, золотодобывающей промышленности. О работе по специальности в первое время не могло быть и речи — ярлык спецпереселенца сделал всех колхозниками или рабочими. Особенно трудным было положение интеллигенции, которая вынужденно занималась любой малоквалифицированной работой. На 1 декабря 1945 г. в Казахстане уже работало 158 444 спецпереселенца, из них в колхозах — 91 928, в совхозах — 15 790 и на предприятиях — 50 726 человек. В первом квартале 1948 г. из 17 902 спецпоселенцев-балкарцев, проживавших в Казахстане, трудоспособные составляли 6 787 человек, из них 6 567 работали в колхозах, совхозах, на промышленных предприятиях и стройках [Шабаев 1994: 126].

В справке Управления при Совете Министров Казахской ССР по спецпереселению от 1 июля 1946 г. указывалось, что «интеллигенции с высшим и средним образованием, прибывшей по переселению с Северного Кавказа, учтено 803 человека, из них работают по специальности 569 человек. 234 человека работают не по своей специальности. Рабочих массовых специальностей (плотники, столяры, каменщики, токари, слесари, нефтяники) с Северного Кавказа учтено 4 829 человек. Работают по специальности 4 100» [Сабанчиев 2008: 165].

Условия труда спецпереселенцев, даже по меркам военного времени, были тяжелыми: они вынуждены были работать по 15–16 часов в сутки для того, чтобы выжить и про-

кормить семью. Наравне со взрослыми работали не достигшие физической зрелости подростки 11–15 лет. Несмотря на тяжелые условия, карачаевцы и балкарцы, как правило, хорошо и добросовестно выполняли и перевыполняли плановые задания. Они не только не уступали представителям коренного населения, а во многих случаях опережали их. Тем не менее средняя зарплата у спецпереселенцев была на 20–30 % ниже средней зарплаты кадровых рабочих этих же предприятий. Это объяснялось отсутствием навыков в новом для них производстве, а также тем, что основная масса их была занята на подсобных работах, оплачиваемых по низкой шкале тарифных ставок. Кроме того, основная масса спецпереселенцев из-за отсутствия одежды и обуви в холодное время года не могла работать в полевых условиях.

Процесс адаптации и формирование стратегии выживания спецпереселенцев базировались на здоровой жизненной философии. Народная молва обвиняла в основном Л. П. Берию, который «дал ложную информацию Сталину», самого И. В. Сталина, но ни в коем случае — власть. В то же время народ верил, что справедливость восторжествует, это помогало мужественно переносить все трудности на работе, в быту, в семье. На первое место выступала жертвенность, осознанный отказ не только от своей выгоды, но и жизненно необходимого: еды, одежды, здоровья во имя спасения жизни близких, просто соотечественников. При этом они опирались на испытанные временем традиции и обычаи — чувство национального единства, усердие в труде, терпение.

За короткий срок они освоили новые профессии и успешно выращивали хлопок, табак, сахарную свеклу, коноплю, добывали руду на шахтах, возводили дома, прокладывали каналы и дороги. Многие из карачаевцев и балкарцев приобрели специальности тракториста, шофера, комбайнера, механизатора и др., внесли заметный вклад в экономическое освоение восточных регионов страны. Среди них было немало стахановцев, ударников труда. Оставаясь спецпереселенцами, многие карачаевцы и балкарцы получили награды Родины. В 1944–1945 гг. они поощрялись как передовики производства денежными премиями, промтоварами, скотом и т. д. Первых наград — почетных грамот и медалей — они были удостоены уже в 1947, а в последующие годы были отмечены даже орденами. Звено Зулейхи Ди-

наевой выращивало хлопок в совхозе «Пятилетка» Ташкентской области Узбекской ССР. В 1947 г. оно заняло первое место в республике. За выдающиеся достижения З. Динаева была удостоена ордена Ленина [Сабанчиев 2008: 175].

Сотни карачаевцев и балкарцев, работавших в хлопководстве, свекловодстве, животноводстве, на стройках и шахтах, были награждены орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Знаками Почета, медалями. Так, ордена Ленина были удостоены Шамкыз Уянаева, Зухра Геккиева, Мару Шаманова, Асият Лайпанова, Фатима Умарова, Балбу Эркенова, Патия Айбазова, Каракыз Джаттоева, Мариям Хапаева и другие [Сабанчиев 2008: 176; Карачаевцы 1993: 297].

В 1947–1949 гг. карачаевцы и балкарцы были отмечены более высокими наградами: звание Героя Социалистического Труда было присвоено бригадире полеводческой бригады Ш. И. Келеметову, этого звания также были удостоены Нузула Кубанова, Патия Шидакова, Тамара Абдуллаева за рекордные урожаи сахарной свеклы в Джамбульской области [Сабанчиев 2008: 175–176; Народы Карачаево-Черкесии... 1998: 297]. Спецпереселенцев, благодаря трудовым достижениям, стали ценить и выдвигать по деловым качествам. В некоторых случаях они обретали сравнительно высокий статус. На руководящие должности среднего звена в республиканском и областном масштабе были выдвинуты десятки карачаевцев и балкарцев, в их числе: Амин Хачиров — директор винодельческого завода, Шамшудин Жунусович Тетев — директор совхоза, первый секретарь Акалтынского районного комитета КПСС, Ануар Чопеевич Урусбиев — директор хлопководческого совхоза в Узбекистане, Чомай Баталлович Уянаев — начальник Тяньшаньского областного управления связи, Мухажир Ахматович Кульбаев — начальник республиканского отдела «Союзпечать» и член коллегии Министерства связи Киргизской ССР, Жанакит Жунусович Залиханов — директор типографии при Совете Министров Киргизской ССР, и другие. После XX съезда КПСС (1956 г.) четырем передовикам производства — Ш. Тетеву, М. Узденовой, И. Жангуразову и З. Ульбашевой, по представлению правительств Казахстана, Киргизии и Узбекистана, было присвоено звание Героя Социалистического Труда [Сабанчиев 2008: 177].

Смерть И. В. Сталина в марте 1953 г. вызвала среди депортированных народов вполне обоснованные надежды на реабилитацию. Новое руководство страны отметило начало своей деятельности рядом решений, поворотных с точки зрения развития национальной политики. В течение 1954–1955 гг. Советом Министров СССР и ПВС СССР был принят ряд нормативно-правовых актов, в которых снимались некоторые ограничения в правовом положении спецпереселенцев. В 1955 г. депортированным начали выдавать паспорта, молодежь стали призывать на срочную службу в армию. В течение того же года были приняты решения о снятии ограничений по спецпоселениям с членов и кандидатов в члены КПСС, членов их семей, а также о снятии со спецучета участников войны, лиц, награжденных орденами и медалями СССР, преподавателей учебных заведений. Даже эти скромные меры для отдельных категорий спецпереселенцев означали заметное облегчение условий жизни.

Важным событием в общественно-политической жизни спецпереселенцев во второй половине 1950-х гг. стало воссоздание государственности балкарского и карачаевского народов. Переломное значение имел XX съезд КПСС, состоявшийся в феврале 1956 г. На нем с закрытым докладом «О культе личности и его последствиях» выступил Н. С. Хрущев. Впервые высшим должностным лицом страны была дана оценка совершенному И. В. Сталиным и его ближайшим окружением беззаконию в отношении репрессированных народов. Выселение балкарцев, карачаевцев, калмыков, чеченцев и ингушей Н. С. Хрущев назвал «грубым попранием национальной политики советского государства» [Доклад ... 1956]. XX съезд партии предложил возродить незаконно упраздненные национальные автономии. Решения съезда имели огромное значение для судеб депортированных народов, способствовали проведению ряда мероприятий, направленных на восстановление справедливости.

28 апреля 1956 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений по спецпоселению с балкарцев, крымских татар, турок-месхетинцев и членов их семей» [Реабилитация народов ... 1994: 24–26]. 16 июля 1956 г. аналогичным указом были сняты ограничения по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей. В указе конста-

тировалось, что снятие людей с учета спецпоселений не предполагает их возвращения на родину и компенсацию имущества, конфискованного при выселении. Тем не менее балкарцы, истосковавшиеся по родным местам, массами возвращались домой. Самовольное возвращение репрессированных народов Кавказа ускорило принятие официальных решений о восстановлении их упраздненной государственности. 24 ноября 1956 г. ЦК КПСС принял Постановление «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов» [Реабилитация народов ... 1994: 44–49]. В нем депортация осуждалась как акт произвола и беззакония. ЦК КПСС счел необходимым восстановить национальную автономию указанных народов, разрешить им возвращение в родные края.

Решение ЦК КПСС приняло конституционную форму в соответствующих указах Президиума Верховного Совета СССР «О преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР», «О преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область». В тот же день были приняты Указы Президиума Верховного Совета РСФСР. 11 февраля 1957 г. эти указы обрели силу закона, и началось плановое возвращение карачаевцев и балкарцев из Средней Азии и Казахстана [Реабилитация народов и граждан 1994: 21–27, 44–50]. Значение этих документов в истории карачаевского и балкарского народов трудно переоценить: они «подводили черту» под тринадцатилетней ссылкой, начиналось национальное возрождение.

Таким образом, в новых местах жительства репрессированные народы, в том числе карачаевцы и балкарцы, в силу тяжелых условий жизни и дисперсного расселения на огромной территории, объективно были под угрозой исчезновения как этносы. Попытка тоталитарного режима рассеять и ассимилировать народ привела в действие защитный механизм самосохранения этносов. Вера в торжество справедливости, мобилизация традиционной этнической системы ценностей — трудолюбия, жизнестойкости, обостренного чувства собственного достоинства, чувства национального единства балкарцев и карачаевцев — обусловили этническую сохранность и этнокультурную целостность тюркоязычных народов Северного Кавказа.

Полевой материал

Полевой материал. Пос. Яникой, Кабардино-Балкарская Республика, 2012.

Полевой материал. г. Нальчик, 2012.

Источники

Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР).

Литература

Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: «согласно Вашему указанию...». М.: АИРО-XX, 1995. 322 с.

Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. 544 с.

Горянка. 2007. № 3.

Депортация народов СССР (1930–1950 гг.). Ч. 1. Документальные источники Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления (ЦГАОР) / сост. О. Л. Милова. Вып. XII. М.: РАН, 1992. 354 с.

Доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС от 25 февраля 1956 г. «О культе личности и его последствиях» [электронный ресурс] // URL: <http://lib.ru/MEMUARY/HRUSHEW/kult.txt> (дата обращения: 22.11.2012).

Карачаевцы. Выселение и возвращение (1943–1957). Материалы и документы. Черкесск: ПУЛ, 1993. 175 с.

Мечиев К. Б. Стихи и поэмы. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2003. 442 с.

Писатели Кабардино-Балкарии. Биобиблиографический словарь. Нальчик: Эльфа, 2003. 442 с.

Полян П. М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ, 2001. 327 с.

Реабилитация народов и граждан. 1954–1994 гг. Документы / сост. И. И. Алиев. М.: ИЭА РАН, 1994. 304 с.

Сабанчиев Х.-М. А. Балкарцы: выселение и возвращение. Нальчик: Эльбрус, 2008. 440 с.

Шаббаев Д. В. Правда о выселении балкарского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. 288 с.